

* * *

1. Anisimova T.V. O principah klassifikacii ritoricheskikh zhanrov // Rechevoe obshhenie. Krasnojarsk, 2000. Vyp. 2. S. 43–48.

2. Anisimova T.V. Sistema cennostej gosudarstva v zerkale social'noj reklamy (na materiale social'noj reklamy, posvjashhennoj problemam sem'i i vospitanija) // Voprosy lingvistiki, metodiki obuchenija jazykam i literaturovedenija v svete sovremennoj nauki: sb. nauch. tr. po materialam I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. SPb.: Nauch.-izd. centr «Otkrytoe znanie», 2017. S. 5–11.

3. Bahtin M.M. Problemy rechevykh zhanrov // Ego zhe. Jestetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskustvo, 1979. S. 237–280.

4. Busenskaja L.A., Kulikova Je.G., Korosteleva T.V. Ritorika social'noj reklamy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota, 2017. № 12(78). Ch. 1. C. 64–69.

5. Kireev S.I. Verbal'noe i neverbal'noe vyrazhenie metafor v social'nom reklamnom plakate // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filologicheskie nauki. 2008. № 2. S. 32–37.

6. Prigarina N.K. O roli ritoriki i stilistiki v ocenke zhanrovogo svoeobrazija teksta // Jazyk. Rech'. Rechevaja dejatel'nost': mezhvuz. sb. nauch. tr. Nizhnij Novgorod, 2006. S. 90–98.

7. Rjumin R.V. Fenomen rechevogo zhanra social'noj reklamy v russkom jazyke // Vestn. Tomskogo gos. un-ta. 2011. № 349. S. 30–33.

8. Sobko T.Ju. Pobuditel'naja modal'nost' v disкурсе russkojazychnoj social'noj reklamy (s privlecheniem dannyh nemeckogo i anglijskogo jazykov): dis... kand. filol. nauk. Kaliningrad, 2017.

9. Jur'eva E.V. Slogan social'noj reklamy kak subzhanr reklamnogo diskursa // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2: Jazykoznanie. 2016. T. 15. № 4. S. 114–121.

Genre specificity of social advertising

The article deals with the genre specificity of social advertising in the rhetorical aspect. The rhetorical parameters of texts of social advertising are stated: they are an authoritative or personalized addresser, the focus on a generalized recipient (a representative of society as a whole), target setting, use of the top comparison. There are two groups of genres of social advertising: the genres aimed at formation of the behavioral model approved by society, and the genres used for discredit of the abnormal behavioral model. The characteristics of some genres are under consideration in the article.

Key words: *advertising text, advertising genre, social advertising, rhetorical parameters, addressee, target setting.*

(Статья поступила в редакцию 22.01.2018)

Е.А. ШЕРСТЯННИКОВА
(Красноярск)

ПРОБЛЕМА СИНОНИМИИ В СФЕРЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ (XVIII – начало XX в.)

Описываются различные синонимические ряды фонетических терминов, рассмотрены основные причины синонимии. Источником материала послужил ряд сочинений по русской грамматике, включающий в себя работы отечественных лингвистов: М.В. Ломоносова, А.А. Барсова, Н.Г. Курганова, А.Х. Востокова, Н.И. Греча, Г. Павского, К. Аксакова, В.А. Богородицкого, Ф.Ф. Фортунатова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни и др.

Ключевые слова: *синонимия, синонимия в сфере фонетической терминологии, синонимические ряды лингвистических терминов, причины синонимии в терминологии.*

Явление синонимии в современном терминоведении рассматривается как один из видов несоответствия терминов и понятий, наряду с омонимией и многозначностью, как избыточность средств формального выражения понятия. Несмотря на то, что проблема избыточности средств формального выражения понятий исследуется достаточно давно (с начала XX в.), многое остается дискуссионным. О нерешенности проблемы говорит существующее положение в используемой для этого терминологии. При обозначении данного явления встречается синонимическое употребление таких терминов, как «синонимия», «дублетность», «эквивалентность», «вариантность».

Наше исследование своей целью ставит рассмотрение синонимии в области фонетической терминологии в период ее становления (XVIII – начало XX в.). Источником материала послужил ряд сочинений по русской грамматике, включающий в себя работы отечественных лингвистов: М.В. Ломоносова, А.А. Барсова, Н.Г. Курганова, А.Х. Востокова, Н.И. Греча, Г. Павского, К. Аксакова, В.А. Богородицкого, Ф.Ф. Фортунатова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни и др.

Некоторые исследователи склонны полагать, что явление синонимии в области научной терминологии характеризует начальный этап существования терминологических

систем, период их становления, когда еще не произошел выбор лучшего термина [8, с. 73; 10, с. 85]. Трудно не согласиться с этим утверждением.

В качестве синонимов выступают термины *письмена* и *буква*. Слово *письмена* известно с эпохи старославянского языка и определялось как «буква, внѣшній смыслъ въ противоположность духу», «изображение» [20, с. 939]. Данный термин в лингвистической литературе не получил широкого распространения. Более употребительным стал термин *буква*.

Первоначально *буква* (ст.-слав. *боукы*) было названием буквы кириллического алфавита. Это слово, по-видимому, было заимствовано из готского (ср. гот. *bōka* – «буква»). Из старославянского языка это слово попало в древнерусский, а затем уже и в русский язык. Долгое время лингвистический термин *буква* имел несколько значений. Под *буквой* прежде всего понимался графический знак, служащий для обозначения на письме звуков (Ломоносов, Барсов, Греч, Востоков, Половцов, Павский, Петров, Ветухов, Богородицкий). А.Х. Востоков писал: «Слова составляются изъ звуковъ голоса, изображаемыхъ б у к в а м и <...> Составные части словъ изображаются буквами» [6, с. 2, 5].

Термин *буква* также определялся как кратчайшая часть произносимого слова (Ломоносов, Светов, Греч и др.): «Слово б у к в а имеет значеніе двоякое: во-первыхъ, означаетъ оно звукъ голоса, слышимый уху, а во-вторыхъ, изображение сего звука видимыми чертами. Мы принимаемъ здѣсь буквы единственно в первомъ изъ сихъ отношеній <...> Звуки голоса человѣческаго могутъ быть раздроблены на простыя начала, изъ коихъ они составлены, и сии начала именуется буквами <...> буква есть отдѣльный или начальный звукъ, служащій къ составленію слова» [7, с. 58].

Буква рассматривалась и как составная часть звука («Буква есть одна изъ составныхъ частей звука, образующагося въ устахъ человѣка. Поэтому буквы существуютъ въ языкѣ прежде изображенія ихъ на письмѣ, и можно разсуждать объ нихъ независимо отъ письменъ») [15, с. 6]), и как делимая часть слова («Б у к в ы суть раздѣлимые части слова...» [12, с. 2]).

Последовательное разграничение терминов *буква* и *звук* наблюдается в лингвистических трудах конца XIX – начала XX в. Так, К.Ф. Петров в учебнике русской грамматики писал: «Буквы суть условные знаки звуков; звуки произносятся, буквы печатают-

ся и пишутся; звуки мы слышим, буквы видим» [16, с. 5]. Богородицкий также подчеркивал: «Звуки мы произносимъ, а буквы пишемъ для обозначенія этихъ звуковъ» [3, с. 40]. В современной науке о языке данные понятия разграничиваются четко: *буква* определяется как «графический знак в составе алфавита данного языка, служащий для обозначения на письме звуков (фонем) и их разновидностей (вариантов фонем)» [19, с. 31]; *звук* – «акустический результат физиологической деятельности органов речи» [11, с. 40].

Более многочисленным является синонимический ряд *голос (глас) – буква – неразделимая часть слова – отмена – звук – членораздельный звук – членобразный звук – articulata – внутренний звук – органический звук – звук языка (звук речи)*.

Термин *глас (голос)* – самый древний термин, обозначавший звук речи. Термин пришел из церковнославянского языка (*гласъ*, а не *голосъ*) и представлял собой сужение исконного значения слова *голос* «звучание голоса». В русском языке произошло дальнейшее сужение значения в производных *гласный* и *согласный*, т.е. «звучащий» и «незвучащий». Отсюда В.В. Колесов делает вывод, что *глас* – это звук, обладающий тоном, тональностью. Действительно, в старославянских рукописях X–XI вв. слово *глас* употреблено в двух значениях: «голос (человека)» и «тон, тональность». В древнерусском и церковнославянском языках *глас* имел и другое значение: передавал звучание голоса флейты, трубы, гуслей, а также употреблялся в качестве музыкального термина (*глас* «напев»). Гласу противопоставлялся *шумъ (шюмъ)*, имевший свое значение в характеристике «согласныхъ письменъ».

Наоборот, три однокоренных слова не различали в своих значениях столь строго тон и шум: основная характеристика фонетически важного звука не существенна для слов *звонъ, звукъ, звякъ* «звук; шум; голос; тон; речь; треск». Такая многозначность и неопределенность в значениях слов препятствовали использованию их в качестве терминов. Однако были различия в характеристике и интенсивности шумов, обозначаемых данными словами. В XVI в. *звук* – это «громкий, шумный глас». К звукам речи такой звук никакого отношения не имел. Впервые «Лексикон» Епифания Славинецкого (1657 г.) устанавливает различие: *голосъ* – «vox, sonus», *звонъ* связан со звуком колокола («campana»), а *звукъ* – это «громкий шум». *Гласъ* – это гласный звук, а *звукъ* – «согласный гласъ» [10, с. 146–150].

Таким образом, во второй четверти XVIII в. *звон – гласный, звук – согласный* находились в общем противопоставлении к *гласу*. Намечается собственно грамматическая терминология с противопоставлением звука звону, но она не утвердилась не только из-за своей сложности. В этот период создавалась новая терминология точных наук, она и перекрыла, по мнению Л.Л. Кутиной, своим влиянием собственно филологическую терминологию, включая в свою сферу лингвистические термины [13].

В «Грамматике...» М.В. Ломоносова наряду с термином *голос* встречаются термины *неразделимая часть слова* («Неразделимая часть слова называется та, в которой в неразделимое по чувствам время ни напряжением, ниже повышением ничего отменного произвести невозможно. Таковы неразделимые части слова изображаются по их разности различными начертаниями, которые называются по-нашему буквы. Различность их происходит от разности органов от разного их положения и движения») [14, с. 398]) и *отмена* («Движение органов суть двойки: первые могут дать голосу отмену на чувствительное и весьма долгое время, сколько духа человеческого станет; другие явственно слышны бывают в неразделимое слухом время и по большей части в начале отмен первых. Первые отмены действительно голосу сопрягаются, и начертания, или буквы, их изображающие, по справедливости гласными называются. Второго рода отмены прилично согласными именованы») [Там же, с. 399]).

В трудах Якоба, Греча и Потемби встречаем термины *членобразный звук* («...членобразныя звуки суть особенные, одинъ отъ другаго различные, удобослышимыя звуки, изъ которыхъ составить можно нѣкоторое цѣлое» [22, с. 2]; «...членораздельный звук, внешняя форма человеческой речи, <...> все же есть исключительная принадлежность человека» [18, с. 64]), *членобразный звук (articulata)* («Звуки, образуемые сими органами именуются членобразными, или членораздѣльными (articulata), для отличенія ихъ отъ звуковъ, свободно исходящихъ изъ дыхательнаго горла, каковы хохотъ, пѣніе птицы и т.п.» [7, с. 56]).

Аксаков все звуки разделил на два рода: *внешние (неорганические)*, т.е. звуки природы, и *внутренние (органические)* – звуки человеческого голоса: «Въ природѣ видимъ мы два рода звука: внешний и внутренний, неорганической и органической, другими словами: стукъ и голосъ. Звукъ внешний, неорганической, сопровождаетъ всю природу, на всѣхъ

ея ступеняхъ, даже и тамъ, гдѣ уже является звукъ органической, голосъ: потому-что въ органическомъ существѣ всегда есть неорганической элементъ, наружная масса, – другими словами, всегда есть внѣшнее...» [1, с. 8]. Однако ученый данным терминам (*внешний (неорганический) звук и внутренний (органический) звук*) дает и иное толкование: «Буква есть соединеніе или сляніе, сочетаніе, органическаго и неорганическаго звука, внутренняго и внѣшняго элемента. <...> два ряда буквъ: буквы согласныя (звукъ неорганической, внѣшній) и буквы гласныя (звукъ органической, внутренній)» [Там же, с. 10–11]. Таким образом, термины *внутренний звук¹ (органический звук¹)* со значением звука человеческого голоса выступает омонимом по отношению к терминам *внутренний звук² (органический звук²)*, имеющим значение «гласный звук (гласная буква)». Каждый из этих терминов-омонимов, в свою очередь, входит в состав разных синонимических рядов.

Фортуатов использует термин *звуки речи*, Бодуэн де Куртэнэ – *звуки языка* («Звук языка – акустический результат мгновенного, переходящего обнаруживания существующей в индивидуальной психике фонемы») [4, с. 290].

В современной лингвистике сохраняется данное разграничение. Под *звуком речи* обычно понимают «конкретный звук, произносимый конкретным лицом в конкретном случае» [9, с. 67]. *Звук же языка* – это «множество звуков речи, близких друг другу в артикуляционно-акустическом отношении, определяемых говорящими как тождество» [Там же, с. 68].

В отечественной грамматике XVI – начала XX в. закрепилось разделение звуков (букв) на *гласные, полугласные и согласные*. Каждый из этих терминов входит в состав соответствующих синонимических рядов. Так, на смену термину русского происхождения *звательный (звательная буква)* в XVI–XVII вв. приходит термин *гласовные / гласные (буквы, звуки)*. По-видимому, это перевод латинского термина *vocalis*. Мотивированный термин *гласный / голосовой* получил широкое распространение в отечественной лингвистической литературе («Не все звуки речи образуются голосом: он является в звуках, называемых г л а с н ы м и з в у к а м и, т.е. голосовыми» [21, с. 64]). Г л а с н ы м и мы называем те з в у к и, которые образуются из голоса с теми видоизменениями его, какие он получает в полости рта, если полость носа остается закрытой, или в полости рта и носа, как это бывает в носовых гласных [Там же, с. 101]. Одна-

ко наряду с этим термином активно использовался не менее мотивированный термин *самогласный* (звук, буква): «Самогласные буквы называются для того, что они сами собою издаются голосом, и без них никакой слог не составляется» [12, с. 2]; «Гласная буква называется та, которую явственно выговорить можно самое собою без помощи другой буквы. На пр. а і о. примѣчание. По сему и называются гласные другимъ именемъ самогласные» [2, с. 44]. Аксаков, как было сказано выше, вводит термины *органическая буква*, *внутренняя буква*.

Богородицкий, учитывая анатомо-физиологические особенности гласных звуков, назвал их *открытыми*. «Обыкновенно звуки рѣчи дѣлятся прежде всего на гласные (а, ѣ, е, і, о, у, ы) и согласные (остальные). Но это дѣленіе акустическое, которому соответствуетъ съ принятой нами точки зрѣнія анатомо-физиологической дѣленіе звуковъ на открытые и суженные. Мы будемъ классифицировать звуки въ порядкѣ чаще говорильнаго аппарата, начавши съ дѣятельности органа дыханія» [3, с. 42].

В современной лингвистике функционирует термин *гласные звуки* («звуки речи, образующие свободным проходом воздуха во рту, состоящие главным образом из голоса (голосового тона) при почти полном отсутствии шума» [19, с. 55]).

Таким образом, оформился синонимический ряд терминов: *звательный звук (буква)* – *гласовный звук (буква)* – *гласный звук (буква)* – *голосовой звук* – *самогласный звук (буква)* – *органическая буква* – *внутренняя буква* – *открытый звук*. На наш взгляд, формированию данного синонимического ряда способствовали две причины:

1) стремление исследователей к разностороннему рассмотрению языкового явления, что, в свою очередь, способствовало выявлению разных признаков, положенных в основу наименования;

2) стремление языковедов к употреблению более мотивированного термина.

До начала XX в. в отечественной грамматической литературе был распространен термин *полугласная буква*. В XVI в. встречается термин *полузвательные*. Его сменили *полугласовные / полугласные* (перевод латинского термина *semivocales*). В грамматике М. Смотрицкого находим термин *припряжногласные* (по-видимому, от *припряжь* – «пристяжка»). Этот же термин встречается у Барсова. К *полугласным* относились буквы ъ, ь, й (Греч, Полов-

цев, Востоков): «Полугласные, ъ, ь, й, кои выражаютъ половину гласнаго звука, слышинаго въ соединеніи съ другими буквами, и именно: ъ и ь послѣ согласныхъ, й послѣ гласныхъ» [6, с. 5]. В работах других грамматистов (Ломоносов, Курганов, Барсов, Аксаков) находим не менее мотивированный термин *безгласная буква*: «Безгласныя для того, что они не токмо сами собою но и съ каждою согласною порознь не произносятся» [12, с. 3].

У Павского ъ, ь, й именуются *придыханием* (*гортанным* *придыханием*, *дебелым* *придыханием* (ъ), *гортанно-небным* *придыханием*, *тонким* *придыханием* (ь, й)).

Таким образом, буквы ъ, ь, й в отечественных грамматиках именовались *полузвательными* – *полугласовными/полугласными* – *припряжногласными* – *безгласными* – *придыханием* – *гортанным* *придыханием* – *гортанно-небным* *придыханием* – *дебелым* *придыханием* – *тонким* *придыханием*.

Интересно, что к *полугласным* буквам наши грамматисты относили и ряд других букв: *м, н, р, л*: «...полугласныя м, н, р, л. Я называю ихъ полугласными потому, что они частію сохраняютъ свойства согласныхъ, частію сближаются съ придыханіями и гласными» [15, с. 46]. Греч эти буквы называл *неизменяемыми*. Однако термин *неизменяемые буквы* не следует путать с термином-омонимом, который использует Павский, называя так губные буквы.

Буквы *м, н, р, л* также назывались *плавными буквами (звуками)*, потому что «при ихъ произношеніи языкъ дѣлается какъ бы плавающимъ (вибрирующимъ) во рту» [5, с. 5]; *язычными* (Ветухов), *звучными, сонорными* (Фортунатов). По словам Фортунатова, термин *звучные согласные* неудобен, поскольку дает повод смешивать такие согласные с согласными звонкими [21, с. 90]. Сегодня звуки *н, м, р, л* называются *сонорными звуками*.

Таким образом, составляется синонимический ряд терминов: *полугласные буквы (звуки)* – *плавные буквы (звуки)* – *язычные звуки* – *звучные звуки* – *сонорные звуки*.

Термин *согласные звуки* также входит в состав синонимического ряда: *согласовные / согласные* – *консонанты* – *суженные*. В современной науке активно используются термины *согласные звуки* и *консонантные звуки*.

Рассмотрим еще некоторые примеры синонимических рядов фонетических терминов. Звуки (буквы) *ч, щ, ц, ж* в истории отечественной фонетики имели разные наименования:

связные – сугубствующие – зубные придыхательные – сложные – слитные. Все эти термины соотносятся с современным термином *аффрикаты* (составные звуки). Так, Барсов вводит термины *связная буква* (*щ*), *сугубствующая буква* (*ж, ч, ш, ц*). Греч, Аксаков *ч, щ, ц* назвали *сложными буквами*, Павский – *зубными придыхательными*, Богородицкий, Фортунатов – *слитным звуком*. При этом Фортунатов слитные согласные разделил на *аффрикаты* (лат. *affrikata* – «притертая») и *аспиранты*, *придыхательные согласные* (от лат. *aspirates* – «придыхательный»).

Согласные *г, к, х* также имели разные наименования. Учитывая органы речи, участвующие в образовании звука (буквы), Греч называет их *гортанными*, Павский – *небными*, т.к. «онѣ образуются въ верхней части рта» [15, с. 39]. Фортунатов же в основу номинации кладет способ образования этих звуков: «при образовании этих согласных <происходит> полное соприкосновение образующих органов в той или другой полости рта и затем взрыв этого соприкосновения». В этом случае «являются взрывные (например, *к, г, т*) согласные, называемые также в акустическом отношении (на слух) мгновенными» [21, с. 91]. В современной науке учитывается как способ образования (*щелевые, смычные*), так и место образования (*заднеязычные*).

Вопрос о том, какой признак языкового явления должен быть положен в основу наименования, исследователями решался по-разному. Это также способствовало распространению синонимии в сфере фонетической терминологии. Так, Фортунатов согласные, принадлежащие к классу небных, разделил на *переднеязычные, среднеязычные (небные, среднеязычные), заднеязычные*, принимая во внимание прежде всего место образования звука. Богородицкий же пользуется другой терминологией (*переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные согласные*), учитывая прежде всего активный орган, участвующий в образовании звука: «Въ русскихъ лингвистическихъ трудахъ можно встрѣтить названія: согласные “передне-небные”, “средне-небные”, “задне-небные”, но я предпочитаю имъ названія: “передне-язычные”, “средне-язычные”, “задне-язычные”, такъ какъ для физиологii звуковъ наибольшую важность представляютъ артикуляционная работа и, слѣдовательно, работающій органъ, а таковымъ являеся въ данномъ случае не небо, но языкъ» [3, с. 49].

Наконец частой причиной появления синонимов среди фонетических терминов явля-

ется наличие терминов-калек или заимствований из греческого и латинского языков, с одной стороны, и терминов русского происхождения – с другой. Например, *заднеязычный согласный – заднеязычный согласный – велярный согласный* (от лат. *velaris*, от *velum* – «завеса»); *длительный согласный – фрикативный согласный* (от лат. *fricare* – «тереть») – *спират* (от лат. *spiratus* – «придыхательный»); *ударение – просодия* (от гр. *prosodia* – «ударение, припев»); *звуковедение – звукознание – фонетика* (от греч. *phonetikos* – «звуковой, голосовой») и пр.

Проведенный анализ фонетической терминологии XVIII – начала XX в. показывает, что синонимия – довольно распространенное явление в терминологии периода ее формирования и становления. К основным причинам синонимии в фонетической терминологии указанного периода можно отнести:

1) сложность фонетических явлений, которая требует разностороннего их рассмотрения и описания (исследователи языка в основу наименования того или иного языкового явления кладут разные признаки, что ведет к появлению терминов-синонимов);

2) создание на почве русского языка терминов с различной степенью мотивированности;

3) употребление современных (для исследуемого периода) терминов и терминов-архаизмов, выходящих из активного употребления;

4) употребление грамматистами терминов-калек или заимствований из греческого и латинского языков наряду с русскими терминами.

Явление синонимии существует как в общеупотребительной лексике, так и в специальной. Но его роль для этих двух участков лексики далеко не одинакова. В общеупотребительной лексике синонимия имеет положительное значение: синонимы используются для придания речи красочности и являются одним из наиболее выразительных средств стилистической реализации текста.

Иную картину можно наблюдать в сфере специальной лексики. В сфере терминологии стилистические приемы, как правило, не встречаются. Однако даже незначительная разница близких по смыслу слов указывает на то, что речь идет о двух близких, но тем не менее различных понятиях и, следовательно, разных терминах. Если же термины обозначают одно и то же понятие, то они, как правило, являются эквивалентными по значению.

Список литературы

1. Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. М., 1860.
2. Барсов А.А. Российская грамматика. М., 1981.
3. Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. Казань, 1909.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М., 1963. Т. 1–2.
5. Ветухов А. Начатки русской грамматики. Синтаксис и этимология. Харьков, 1909.
6. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. Спб., 1839.
7. Греч Н.И. Пространная русская грамматика. М., 1830.
8. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
9. Касаткин Л.Л. краткий словарь справочник по современному русскому языку. М.: Высш. шк., 1991.
10. Колесов В.В. Развитие лингвистических идей у восточных славян эпохи Средневековья // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. СПб.: Наука, 1991.
11. Куликова И.С., Салмина Д.В. Обучающий словарь лингвистических терминов. СПб.; М.: «САГА»: «ФОРУМ», 2009.
12. Курганов Н.Г. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присвокуплением разного ученого и полезнозабавного вешесловия. Спб., 1790.
13. Кутина Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технических терминологий. М.: Наука, 1970. С. 82–94.
14. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.–Л., 1950–1959. Т. 7.
15. Павский Г.П. Филологические наблюдения над строем русского языка: Рассуждения 1–3. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1850.
16. Петров К.Ф. Русский язык. Опыт практического учебника русской грамматики: этимология в образцах (с приложением словаря). М.: Типография И.Д. Сытина, 1915. 27-е изд.
17. Половцов В. Русская грамматика для русских, печатанная по высочайшему соизволению. Спб., 1842.
18. Потенция А.А. Мысль и язык. М., 1993.
19. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985.
20. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2: Л – П. Спб.: Отделение рус. яз. и словен. Имп. АН, 1902.
21. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды: в 2 т. М., 1956. Т. 1.
22. Якоб Л.Г. Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи. Спб., 1811.

* * *

1. Aksakov K.S. Opyt russkoj grammatiki. M., 1860.
2. Barsov A.A. Rossijskaja grammatika. M., 1981.
3. Bogorodickij V.A. Oчерki po jazykovedeniju i russkomu jazyku. Kazan', 1909.
4. Bodujen de Kurtenje I.A. Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju: v 2 t. M., 1963. T. 1–2.
5. Vetuhov A. Nachatki russkoj grammatiki. Sintaksis i jetimologija. Har'kov, 1909.
6. Vostokov A.H. Russkaja grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniju ego zhe sokrashhennoj Grammatiki polnee izlozhennaja. Spb., 1839.
7. Grech N.I. Prostrannaja russkaja grammatika. M., 1830.
8. Danilenko V.P. Russkaja terminologija: opyt lingvisticheskogo opisaniya. M.: Nauka, 1977.
9. Kasatkin L.L. kratkij slovar' spravochnik po sovremennomu russkomu jazyku. M.: Vyssh. shk., 1991.
10. Kolesov V.V. Razvitie lingvisticheskikh idej u vostochnyh slavjan jepohi Srednevekov'ja // Istorija lingvisticheskikh uchenij. Pozdnee Srednevekov'e. SPb.: Nauka, 1991.
11. Kulikova I.S., Salmina D.V. Obuchajushhij slovar' lingvisticheskikh terminov. SPb.; M.: «SAGA»: «FORUM», 2009.
12. Kurganov N.G. Pis'movnik, sodержashhij v sebe nauku rossijskogo jazyka so mnogim prisvokupleniem raznogo uchenogo i poleznozabavnogo veshheslovija. Spb., 1790.
13. Kutina L.L. Jazykovye processy, vznikajushhie pri stanovlenii nauchnyh terminologicheskikh sistem // Lingvisticheskie problemy nauchno-tehnicheskikh terminologij. M.: Nauka, 1970. S. 82–94.
14. Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. M.–L., 1950–1959. T. 7.
15. Pavskij G.P. Filologicheskie nabljudenija nad stroem russkogo jazyka: Rassuzhdenija 1–3. Spb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1850.
16. Petrov K.F. Russkij jazyk. Opyt prakticheskogo uchebnika russkoj grammatiki: jetimologija v obrazcah (s prilozheniem slovarja). M.: Tipografija I.D. Sytina, 1915. 27-e izd.
17. Polovcov V. Russkaja grammatika dlja russkikh, pechatannaja po vysochajshemu soizvoleniju. Spb., 1842.
18. Potebnja A.A. Mysl' i jazyk. M., 1993.
19. Rozental' D.Je., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. M.: Prosveshhenie, 1985.
20. Sreznevskij I.I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam. T. 2: L – P. Spb.: Otdelenie rus. jaz. i sloven. Imp. AN, 1902.
21. Fortunatov F.F. Izbrannye trudy: v 2 t. M., 1956. T. 1.

22. Jakob L.G. Nachertanie vseobshhej grammatiki dlja gimnazij Rossijskoj imperii. Spb., 1811.

Issue of synonymy in the sphere of phonetic terms of the period of establishment (XVIII – early XX century)

The article deals with various synonymic rows of phonetic terms, the main causes of synonymy. The source material was a series of works on Russian grammar, including the works of domestic linguists: M.V. Lomonosov, A.A. Barsov, N.G. Kurganov, A.H. Vostokov, N.I. Grech, G. Pavsky, K. Aksakov, V.A. Bogoroditsky, F.F. Fortunatov, I.A. Baudouin de Courtenay, A.A. Potebnya and others.

Key words: *synonymy, synonymy in the sphere of phonetic terminology, synonymic rows of linguistic terms, reasons for synonymy in terminology.*

(Статья поступила в редакцию 15.01.2018)

Т.А. ФИЛИППОВА
(Волжский)

**ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(на материале англоязычных СМИ)**

Рассматриваются экологический дискурс и средства его репрезентации в зарубежных средствах массовой информации. В этой связи наблюдается повышенный интерес к экологической тематике, возникший в результате усугубляющегося экологического кризиса и возросшей озабоченности мировой общественности проблемами охраны окружающей среды.

Ключевые слова: *экологический дискурс, дискурс окружающей среды, стратегия глобализации, экология, окружающая среда.*

За последние годы резко возрос интерес общественности к проблемам экологии, что обусловило появление большого количества текстов и высказываний на эту тему. Осознание населением планеты вредного влияния деятельности человека на состояние экологии привело к тому, что к политическому руковод-

ству различных стран стали предъявлять требования принять незамедлительные меры по защите окружающей среды. Кроме того, общество стало все больше проявлять интерес к проблемам экологии, что нашло отражение в многочисленных публикациях в прессе, а также сообщениях на радио и телевидении, связанных с экологической тематикой.

Понятие дискурса в современной лингвистике является, вероятно, одним из наиболее неопределенных. Выйдя за пределы собственно научного языкознания и оказавшись в руках широкой публики, в том числе журналистов, термин *дискурс* стал использоваться по отношению к самым разнообразным сферам человеческой деятельности (дискурс СМИ и медицинский дискурс, экологический и политический дискурс и т.д.).

Можно отметить появление все большего количества научных, экономических и морально-эстетических исследований, посвященных окружающей среде. Это обусловило возникновение нового вида дискурса – экологического, употребление которого необычайно широко: от серьезных научных трактатов до бытовых разговоров на тему проблем экологии. В этой связи следует подчеркнуть, что относительно новый вид дискурса – экологический – привлекает внимание ученых-лингвистов во всем мире, доказательством чего служат многочисленные публикации на разных языках, посвященные исследованиям экологического дискурса.

Дискурс окружающей среды (ecological discourse, environmental discourse – экологический дискурс, дискурс окружающей среды (перевод здесь и далее наш. – Т.Ф.)) может рассматриваться с двух позиций: во-первых, как дискурс, который ограничен исключительно вопросами экологии как науки – экологический дискурс, обладающий определенной спецификой на всех уровнях языка, во-вторых, дискурс окружающей среды может пониматься более широко, т.е. как дискурс среды, окружающей человека в его жизнедеятельности. Совокупность данных точек зрения позволяет нам более широко рассматривать этот вид дискурса.

Экологический дискурс рассматривается нами как экологический текст, находящийся в ситуации реального общения, текст, тематика которого в процессе его создания и развития связана с проблемой окружающей среды. Экологический дискурс, представляющий